

ТЁТЯ МАША

Катя Леншмидт

Тётя Маша

«Автор»

2026

Леншмидт К.

Тётя Маша / К. Леншмидт — «Автор», 2026

На таких, как тётя Маша держатся дети, семьи, районы и вера в жизнь. Когда мир взорвался, она вывела из города двух сыновей, соседку и маленького Андрея. Впереди их ждала самая долгая дорога в жизни.

© Леншмидт К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Тётя Маша

Тётя Маша была гордой, сильной и независимой. Матерью-героиней, одинокой волчицей с двумя волчатами: Сашкой и Гришкой. Сашка и Гришка — с одного деревца ягодки. Оба, как один: рыженькие, веснушчатые, курносые.

Тётю Машу я знал не из новостей или газет, она была знаменитостью нашего подъезда. Не просто заочно заведовала домом, как завхоз. Инициативная тётя Маша организовывала субботники, детские утренники и даже «отвоевала» у муниципалитета ёлку в наш двор на последний Новый год.

Двор дружно любил тётю Машу, к ней прислушивались, она как бы была фундаментом нашей спокойной жизни. На её ровной спине держались не только двое сыновей-близнецов — весь дом, а может даже район держался на тёте Маше.

У неё не было мужа, никто не знал, где сейчас отец близнецов и даже как его звать. Тётя Маша загадочно отмахивалась от расспросов. Старенькая соседка качала головой и сетовала, мол, как же так, двое мальчишек, да и без отца. Но Сашку и Гришку, казалось, всё устраивало. Я не знал их близко, потому что они были младше, но часто видел эту парочку во дворе, играющими вместе в мяч.

На самом деле привираю. Пару раз, когда я был совсем ребёнком, мама водила меня к соседке в гости. Пока мама с тётей Машей пили на кухне чай, я гонял машинку по их коридору. Из комнаты за мной наблюдали одинаковые Сашка и Гришка, сцепившись друг с другом, как две вишенки на веточке. Они ещё не умели уверенно стоять на своих двоих. Сашка больше поддерживал брата и себя, опершись о дверной косяк.

— Та-тка, — сказал он, и я серьёзно кивнул.

— Тачка, — повторил я, показывая, как ловко умею изображать вираж, подкидывая машинку в воздух.

Я это видел в одном мультике по телевизору. Мальчишки раскрыли рты и захлопали глазами, до глубины души тронутые моим фокусом.

— Самолёт? — показал я пальцем на другую игрушку.

Сашка опустился на пол и дополз до игрушки. Следующие минуты мы играли с ним в виражи: он в воздухе, я на земле и наоборот. Было весело. Гришка, радостно повизгивая, наблюдал за нами со стороны.

Ещё несколько раз мы ходили в гости к тёте Маше, но быстро перестали. У папы стало больше работы, а потом мама отдала меня в подготовительный класс, и сама тоже стала уходить на смены.

Так мы и не стали близкими друзьями с Сашкой и Гришкой, и, возможно, даже больше никогда бы не заговорили друг с другом, если бы не случилось то, что раньше я видел только в фильмах.

Телевизор показал разноцветные полосы, запиликав на разные лады. На экране возник ведущий — серьёзный и немного растрёпанный. Он говорил странные слова, которых я не слышал раньше: эскалировали, мобилизовать, эвакуация. И много других. Взглянув на маму, я понял: лучше ничего не спрашивать. Стало ясно — стряслось что-то нехорошее.

Когда начало греметь, мама спрятала меня под кроватью. Я долго лежал в темноте, пол содрогался, или то дрожал я — точно не помню. Это была самая долгая ночь в моей жизни.

Потом мама вернулась и отвела меня в ванную. Там уже всё было по-другому: лежал плед, стояли бутылки с водой и хлеб в пластиковых пакетах. Аптечка пряталась под раковиной. Сменная одежда лежала в сумке, из кармашка выглядывал краешек маминого паспорта.

— Позже мы пойдём вниз, — сообщила мама.

Вся она была какая-то замёрзшая. Губы у неё обычно были похожи цветом на две розовые клубнички, а теперь посерели, высохли в уголках. Кожа на руках покрылась заломами, словно она долго расчёсывала комариный укус. Мама присела в угол, усадила меня на плед, дала альбом для рисования и прикрыла глаза.

Снаружи снова бухнуло. Раскатистый звук пронёсся по нашему дому, пальцы мамы скрючились, когда она посмотрела на меня широко открытыми глазами.

— Почему так гремит? Там гроза? — спросил я, поймав её взгляд. Мама спрятала лицо в ладонях, оставив меня без ответа.

— Где папа? — спустя время снова обратился к ней я, красный карандаш сломался на бумаге, рисованный человечек получил лишнюю чёрточку — в грудь его воткнулась большая зубочистка.

— Папа потом придёт, — выдавила из себя мама.

— Сюда? — странное беспокойство овладело моими руками.

Я схватил зелёный карандаш и попытался дорисовать землю под ногами человечка, но следующий хлопок и вибрация погнули линию. Теперь нарисованный человечек был проткнут ещё раз — жирной зелёной стрелой.

— Не сюда, — шёпотом ответила мама. — Тётя Маша скоро придёт за нами. Мы поедем за город, к её бабушке.

— И папа будет там?

Мама молчала, стены тряслись, и мне казалось, что мир вот-вот лопнет по швам. Вместе с нашей маленькой и такой чужой теперь ванной. На мою голову упала плотная вата, только тяжёлая, как металл, обручем сдавила мой слух, и стало совсем страшно.

Папа не придёт, шептало глубокое предчувствие, пока мир распадался на пыль. Я кричал, кажется, что-то кричала и мама, трогала меня руками, притягивала к своей груди. Грохотало так сильно, что я почти оглох. А когда шум стих, мне удалось открыть глаза.

— Ой, — кажется, это сказал я, посмотрев на маму.

Потом перевёл взгляд на свои руки и синие штанишки. Всё поменялось. Мамино лицо покрылось густой белой краской, такие лица я видел у чудаковатых женщин на картинках: у них были высокие, гладкие причёски, белые лица и странная обувь, как будто ступни их поставили на дощечки.

— Это сабо, — сказал мне тогда отец. — Традиционная обувь японских гейш.

Кто такие гейши, он объяснять мне не стал, но я по лицу его понял — это таинственные и серьёзные женщины, и мне о таком ещё рано думать.

Теперь мама моя тоже выглядела таинственной и серьёзной, когда белый лишил её лицо эмоций. Ресницы покрылись изморозью, которая при моргании падала мелкими хлопьями на щёки. Волосы стали белыми, как у нашего дедушки. Одежда и руки тоже покрылись белым. Я стал таким же.

Весь мир вокруг побледнел, будто кто-то плеснул на него из ведра белой краской. Художнику наскучило творить, и он уничтожил новорожденный мир одним небрежным движением.

Кто-то трижды сильно постучал во входную дверь. Мама сразу подскочила с места, а мне шикнула, наклонившись низко-низко, тряхнула «снежными» хлопьями волос, так что в носу защекотало.

— Сиди молча, — и прикрыла дверь ванны.

Я остался в темноте, прислушиваясь к звукам снаружи. Просеменили аккуратные шаги мамы, скрипнула половица. Несколько секунд затишья мне казалось, я ощущал, как спёрло воздух у неё в горле.

— Это я! — звонко разбило воцарившуюся тишину. Щёлкнул дверной замок.

— Спасибо, Маш, — мама быстро распахнула дверь ванной и схватила меня за одну руку, а другой подхватила сумку с вещами.

С сумки осыпался белый пепел, и она немного приобрела свой старый, привычный цвет: синяя ткань проглядывала, как обещание новой картины, знак, что художнику не удалось полностью стереть своё творение.

— Весь дом изрешетили, п****ы!

Я широко раскрыл глаза. Никогда до того не слышал я от тёти Маши хоть одного бранного слова. Однажды я при маме произнёс слово на букву «ж» и тут же больно получил по губам. Теперь я ждал, что тётя Маша тоже получит, но мама только скрепила челюсти и промолчала.

— С пятнадцатой по тридцатую уже разъехались, остались мы с вами, Федя где-то снаружи, — продолжила тётя Маша. Мама снова кивнула и стиснула мою руку в своей так сильно, что я вскрикнул.

Сашка и Гришка стояли на площадке первого этажа — робкие, сжавшиеся, они посмотрели на меня и я на них, и мы как будто поделились друг с другом своими страхами, и стало полегче. Я даже позавидовал им.

Вот будь у меня брат, мне бы тоже не было так страшно за себя и за маму, я тоже хотел держать кого-то за руку, ведь мамина стала не такой, как раньше — она делала больно, сжимала крепко, впивалась ногтями в моё запястье, мне хотелось выдернуть свою руку и убежать как можно дальше.

Подъездная дверь хлопнула расшатанной пружиной, выпуская нас во внешний мир. Я тут же застыл, мамина лапа на мгновение ослабила хватку, и я смог вырваться. Но мне тут же захотелось схватиться обратно, ведь земля под ногами пошатнулась.

Наш двор исчез. Площадка с детской горкой, с которой я скатывался по десять раз на дню, утонула вместе с качелями, асфальт стал жидким, растёкся чёрной кашей. Огромная дырища засосала в себя и яблоньки, что посадили позапрошлой весной, и качели-карусели, и скамеечки, на которых старики любили посиживать знойными, летними вечерами.

Края котлована осыпались комковатым какао-порошком, порванные трубы водоснабжения огрызались обрубками в небо, и везде снова был белый. Горячий снег лежал повсюду, порхал пушинками в воздухе.

— Ма-а, — Гришка жалобно всхлипнул.

Сашка крепко держал его рядом с собой, стиснув за рукав болоньевой куртки, жёлтой в красную полосочку. Братья носили одинаковые кофточки и напоминали собой каких-то забавных жучков. Глаза Сашки были нечеловечески распахнуты, длинные ресницы кончиками стремились в небо, а рот приоткрылся от удивления.

Гудение, как сквозь воду, длинными отрезками рождалось в голове и давило на уши, будто огромное подводное существо всплывало на поверхность, оповещая весь мир сигналом о том, что скоро окажется рядом и тогда не поздоровится никому. Сашка вздрогнул, и тут я осознал, что за звук так старательно пытается пробиться сквозь оцепенение — звонок клаксона.

— Эй, э-эй! — кричал мужчина, стараясь вывернуть руль и не оказаться в огромной яме, которая поглотила наш двор.

— Я не доеду, обойдите! — он активно замахал правой рукой, указывая куда-то в сторону. Мама оглянулась, на лице её вспыхнула надежда, она замахала рукой в ответ.

— Давайте, мы пройдем, — тётя Маша кивнула ей и крепко взяла сыновей за руки.

Я снова позавидовал близнецам, потому что мама тоже ухватила меня и потащила за собой. Я верил, что руки тёти Маши более нежные и пока не превратились в когтистые лапищи, как у моей мамы. Но я был бессилен, бессилен перед резко рухнувшим миром и когтями, какими цеплялась за меня она — единственный взрослый.

Где же папа, тоскливо размышлял я, пока мы аккуратно, по стеночке, цепляясь за обрывки труб, осыпая в страшную дыру какао-землю, пробирались к автомобилю. Когда я

запрокидывал голову в небо, на меня цыкала мама. Но я всё равно долго не мог туда смотреть — слишком белым стало всё.

Исчезло солнце, пропали барашки облаков, даже провода повисли обрывками, как будто кто-то перерезал их большими железными ножницами. Вверху не осталось ничего, кроме белой краски. Под ногами лежал тёплый снег. На наших лицах, в волосах и одежде — тоже. Художник уничтожил свой холст, но всё ещё пробивались сквозь бесцветность: спортивная сумка, болоньевые курточки, красное пятно в окне, мне показалось, что кто-то вывесил флаг, но то была заляпанная футболка.

— Что это? — спросил я, указывая пальцем на третий этаж. Мама вороватым взглядом ощупала то окно и тут же дёрнула меня за руку.

— Не смотри, — прошипела она, и холодный комок змей скрутился в моём животе.

— Вот и всё, — сказала тётя Маша.

Даже под белой краской она была узнаваемой: голос её выдавал. Гордый и бойкий он звучал ясно, как будто голубое небо спряталось у неё в горле до поры, пока всё вокруг не утихнет.

— Садитесь, — при ближайшем рассмотрении мужчина за рулём мне не понравился.

У него были странно кривые зубы, а из макушки торчал сальный клочок серых волос, единственным островком растительности на целую вечность. И щёки у него были какие-то все во впадинах, такие я видел на луне, когда папа давал мне ночью свой бинокль.

Бинокль был таким тяжёлым, что папе приходилось держать его в своих руках, пока я подкручивал колёсико и громко пыхтел под нос, пытаясь как можно лучше рассмотреть рисунки на жёлтом камне в ночном небе.

— Фёдор, — представила всем неприятного мужчину тётя Маша. — Мой двоюродный брат.

— Настасья, — тихо ответила мама и указала на меня. — Андрей.

— Не зевай, Андрей, — Фёдор протянул мне мозолистую ладонь, я не хотел её жать, но пришлось, невежливо отказываться от протянутой руки, так говорил мне папа. Куда же он пропал... Рукопожатие переросло в сильный толчок, и я рухнул на переднее кресло автомобиля.

— Пойдите! — вскрикнула мама.

Фёдор нервно заржал. Мне стало жалко маму, по её лицу загулял испуг. Не отстранённый ужас, какой я наблюдал с тех пор, как вокруг загрохотало, а обычный испуг, как когда я разбил коленку, катаясь на велике.

— Не бойтесь, мы просто спешим, — тётя Маша помогла расположиться нам спереди, мама усадила меня на колени. Сама же соседка устроилась с сыновьями за нашими спинами. Я мог видеть их, если скашивал глаза на зеркало заднего вида.

— М-да, — Фёдор цыкнул языком. — Они могут начать в любую минуту.

— Хорошо, — выцветшим тоном согласилась мама.

Я не узнавал её. Это была чужая женщина — разбитая, как старая бабушкина ваза, потерявшая свои краски, бессильная. Это была не моя мама, и от этого мне было страшнее, чем от того, что происходило за окном. Я думал: стоит папе вернуться, и мама снова станет прежней, я стану прежним, мир вокруг станет прежним. Не знаю, верил ли я тогда в это на самом деле.

Пока мы петляли по разрушенным улицам, ныряя то вправо, то влево, как заяц бегущий по снегу зигзагами, я представлял себе отца, как художника, корпящего над своим холстом.

Вот он стоит, такой серьёзный и насупленный, каким он выглядел каждый раз, когда был сосредоточен, выбирает из палитры цвета, которые окрасят наброски на картине. Он прикладывает кисточку, щурит глаз, примеряет то один цвет, то другой, недовольно хмыкает и мажет белилами, потом повторяет ритуал. В конце-концов он бросает свои инструменты и долго смотрит на аляповатый рисунок, который написал. У правой ноги его стоит ведро с белой краской...

— Смотрите!

Я очнулся, когда мы уже выехали за город. Пригревшись на руках у матери, убаюканный урчанием мотора, я задремал. "Смотрите" сказал Сашка, он прижался ладонями к заднему стеклу, дыханием оставляя быстрорастворимые облачка на запотевшем окне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.